

— С глазами у меня всё прекрасно!

Сун Цинсюй резко оттолкнулся носком от пола, и игровое кресло с грохотом отъехало назад, врезавшись в соседнее.

Он вскочил и с силой провёл рукой по лицу, словно так мог стереть с кожи недавнее прикосновение.

Тан Хуай опустил ресницы, тоже встал и ровно сказал:

— Ну и хорошо. — Помолчал и добавил: — Только не три их всё время.

Сун Цинсюй даже не поднял головы.

— Руки у меня свои. Сам разберусь.

Если уж говорить по-честному, между ними не было таких отношений, при которых можно запросто тянуться к чужому лицу, а уж тем более интересоваться самочувствием друг друга. Но Тан Хуай делал всё это так естественно, будто ничего странного в его действиях не было, будто это так же обыденно, как поесть или попить воды.

В голове у Сун Цинсюя всё спуталось. Он не понимал, зачем Тан Хуай это делает, и ещё меньше понимал, почему сам, когда тот потянулся к нему, вообще забыл уклониться.

— А-Сюй...

Раздался низкий голос Тан Хуая.

Сун Цинсюй тут же вскинул на него злой взгляд, в котором и без слов читалось предупреждение.

Тан Хуай осёкся и тут же поправился, назвав его игровым ID:

— River, я хочу отдохнуть. Проводишь?

Только тогда Сун Цинсюй вспомнил, что Шэнь Хуаньци велел устроить Тан Хуая на базе на ночь, а завтра ещё собирался дать ему тренировочный матч.

— Пошли.

Он взял куртку и первым вышел за дверь.

Сун Цинсуй шёл впереди с каменным лицом. Тан Хуай не спеша следовал за ним. Между ними сохранялся примерно метр расстояния — достаточно, чтобы подчеркнуть и чуждость, и холод.

База WS считалась одной из лучших в LPL: всё внутри было продумано, зоны разделены чётко, удобства на месте. Но у Сун Цинсюя явно не было ни малейшего желания что-либо показывать или объяснять. Он просто провёл Тан Хуая по коридору, свернул направо и поднялся по лестнице.

Окно на лестничной площадке второго этажа было открыто, и внутрь один за другим врвались порывы холодного ветра. Сун Цинсуй был в футболке, и, проходя мимо, невольно вздрогнул.

Тан Хуай подошёл к окну несколькими шагами позже. Сам он холода почти не чувствовал, но всё равно протянул руку и закрыл створку. После этого, длинными шагами перескакивая через несколько ступенек сразу, снова нагнал Сун Цинсюя — ровно на то же расстояние, что и раньше. И снова молча смотрел ему в спину.

На третьем этаже располагались спальни игроков основного состава. Бывший AD-керри Чжоу Цзин уже давно съехал, так что его комната пустовала как раз кстати.

Сун Цинсуй остановился у двери, набрал стандартный пароль и толкнул створку.

— Пароль — четыре нуля. Всё внутри тётушка перестелила и заменила. В прачечной вон там есть клубные умывальные принадлежности, если надо — возьмишь. Ещё примерно через час тётушка закончит с ужином, можешь спуститься поесть.

Тан Хуай стоял у двери и смотрел на него сверху вниз.

— Хорошо. Спасибо.

Сказал — и не двинулся с места, словно ждал продолжения.

Сун Цинсуй не видел никакого смысла продолжать этот дежурный обмен вежливостями, но, поймав серьёзный взгляд Тан Хуая, всё же на секунду растерялся.

Вообще-то, по-хорошему, следовало бы ответить «не за что».

Но они с Тан Хуаем были вовсе не в тех отношениях, чтобы разговаривать мирно и вежливо, да и строить перед ним какой-то образ Сун Цинсюю совершенно не хотелось, поэтому он

ограничился сухим:

— Угу.

Тан Хуай сказал:

— В коридоре холодно. В следующий раз всё-таки надевай куртку.

На это Сун Цинсюй уже не ответил вовсе. Он просто развернулся и ушёл в свою комнату напротив.

Только когда дверь закрылась и взгляд Тан Хуая перестал ощущаться на коже, Сун Цинсюй наконец выдохнул. Но в груди всё равно что-то тяжело давило, застряв между вдохом и выдохом.

Свет в комнате он не включал. В сгущающихся сумерках биение собственного сердца слышалось особенно отчётливо.

Через какое-то время он медленно поднял руку и коснулся кожи под левым глазом.

Там уже не было так жарко.

Когда он впервые увидел Тан Хуая, то решил, что тот опять пришёл искать неприятностей. А вышло так, что Тан Хуай с полной уверенностью заявил, что хочет быть его тиммейтом, и теперь ещё...

С того случая в школе у Сун Цинсюя больше ни с кем не было ничего даже отдалённо двусмысленного, поэтому в подобных вещах он до сих пор разбирался из рук вон плохо.

Разум говорил ему: Тан Хуай — чистый проект на вырост, игрок, который со временем станет только сильнее.

Чувства твердили: он уже однажды тебя обманул. Не боишься, что и сейчас обманывает?

Если отвечать честно самому себе — конечно боится. С учётом этого «достойного предшественника» по имени Чжоу Цзин — ещё как.

Все знают, что в League of Legends бывают системы с двумя, а то и тремя кэрри. Но какой игрок не хочет быть главным тащером команды и сам вывозить катки?

Мысли путались одна за другой, и, не зная, куда от них деться, Сун Цинсюй снова по привычке

принялся за уборку комнаты.

Он вытащил из шкафа кучу одежды. Всё было чистое, но давно не ношенное — значит, в стирку.

У игроков WS, кроме нательного белья, всю одежду обычно забирала на стирку тётушка. Но Сун Цинсюй с десяти лет никому не позволял стирать свои вещи, так что ещё после заселения на базу отдельно купил себе собственную стиральную машину.

Сейчас он был безмерно благодарен этой привычке. Иначе, останься у него свободное время, голова бы окончательно пошла кругом.

После генеральной уборки он так вымотался, что на лишние мысли сил уже не осталось. Быстро умылся, переоделся в пижаму и нырнул под одеяло.

Мягкое тёплое одеяло дарило непревзойдённое чувство безопасности. Сун Цинсюй медленно закрыл глаза, и мысли постепенно поплыли в ту сторону, которую он не мог контролировать.

Ему приснилось, что кто-то — лицо было не разглядеть — втащил его в огромный замок.

В следующий миг мир перевернулся, и его прижали к кушетке, закрыв ладонью глаза.

Кушетка сильно качнулась, но движения этого человека были неожиданно бережными. Поцелуй, коснувшийся губ, был лёгким, как перо, зато вторгшаяся следом настойчивость лишала всякой возможности сопротивляться.

Сун Цинсюй был как добыча, угодившая в лапы льву: запрокинув шею, он мог лишь позволять хищнику делать всё, что тому вздумается, пока его территория не будет разграблена до последнего клочка.

Серебристый лунный свет, как тонкая вуаль, ложился на его тело, только сильнее подчёркивая следы, оставленные на коже, — слишком красноречивые для любой фантазии.

...

Сун Цинсюй резко сел в кровати. Воздух с хрипом вырывался из груди, будто он только что выбрался из смертельной схватки.

Он с силой ударил кулаком по матрасу и беззвучно выругался.

С самого возвращения с чемпионата мира он почти не спал нормально именно из-за этих

чёртовых снов — внезапных, беспричинных, без всякой закономерности.

В каждом сне его прижимал к чему-нибудь какой-то безликий мужчина и делал с ним всё, что хотел.

После пробуждения Сун Цинсюй чувствовал себя выжатым до дна, но уснуть снова уже не мог.

И не решался.

Раздражённо запустив пальцы в волосы, он нащупал телефон, посмотрел на экран — уже за полночь.

Если так пойдёт и дальше, это может сказаться на форме уже к старту сезона. Может, всё-таки стоит сходить к психотерапевту?

Сун Цинсюй поднял с пола одеяло, сам не зная, когда успел его туда сбросить, достал из стиральной машины выстиранные вещи, прижал их к груди и вышел из комнаты.

Краем глаза он заметил, что у его двери стоит бутылка молока.

Стекло всё ещё было тёплым — значит, её поставили совсем недавно.

Долго гадать не пришлось. В базе были люди, которым он тоже не был безразличен, но сделать такое мог только Тан Хуай.

Сун Цинсюй отнёс бутылку к двери Тан Хуая, а сам неторопливо ушёл развешивать бельё на балкон при прачечной.

Когда он вернулся, Тан Хуай уже стоял у двери, держа в руке ту самую бутылку.

— River, — позвал он.

Сун Цинсюю тут же вспомнилась сцена в тренировочной, и в висках снова запульсировало. Сделав вид, что не слышит, он подошёл к своей двери и начал набирать код.

— River, — повторил Тан Хуай.

Палец Сун Цинсюя дрогнул, и он нажал не ту цифру.

— River. — Тан Хуай шагнул ближе и протянул ему бутылку. — Ты не ужинал. Выпей хоть это.

Сун Цинсюй пить не собирался и на ходу придумал первое попавшееся оправдание:

— У меня аллергия на молоко.

— Раньше ведь не было? — спросил Тан Хуай.

Сун Цинсюй продолжал врать без тени смущения:

— Ага. С сегодняшнего дня появилась.

— Внезапно, — отозвался Тан Хуай, и его едва наметившаяся улыбка тут же исчезла.

Лицо Сун Цинсюя горело ненормальным жаром, живот выворачивало, в голове гудело так, будто там устроили восстание. Его мутило до предела. Хорошо хоть код уже был введён — он сразу толкнул дверь и вошёл внутрь.

Но Тан Хуай, не спрашивая разрешения, втиснулся следом.

Он прошёл мимо Сун Цинсюя, распахнул шкаф, первым делом вытащил тёплую куртку, потом быстро оглядел полки и, не найдя ни шапки, ни шарфа, взял вместо них водолазку с высоким горлом.

Протянув вещи Сун Цинсюю, он тоном, не допускающим возражений, сказал:

— Переоденься. Я отвезу тебя в больницу.

Сун Цинсюй сейчас хотел только одного — добраться до ванной и вырвать. Но гордость не позволяла выглядеть настолько жалко на глазах у Тан Хуая. Он резко отбил его руку, и одежда упала на пол.

С трудом сдерживая подступающую тошноту, хрипло бросил:

— Несколько лет не виделись, а ты, я смотрю, обзавёлся не только странными фетишами, но ещё и привычкой вламываться в чужие комнаты?

Тан Хуай наклонился, поднял вещи с пола и посмотрел на него с таким явным беспокойством, что в груди становилось тесно. Голос его смягчился:

— Мне не нравится входить в чужие комнаты. Но у тебя жар, и глаза сильно опухли. Переоденься, я отвезу тебя в больницу. Хорошо?

— Не надо. Сейчас же выйди.

Тан Хуай, всё ещё держа одежду в руке, нахмурился и молча смотрел на него. В его глазах стояла такая густая чернота, что Сун Цинсюй не мог понять — это злость или что-то совсем другое.

Но додумать не успел. Перевернувшийся желудок заставил его согнуться и болезненно закашляться от сухих рвотных спазмов.

Тан Хуай заметно растерялся, дёрнулся было за салфетками, но тут же понял, что Сун Цинсюя только выворачивает вхолостую. Он стиснул зубы, схватил его за руку и силой начал просовывать её в рукав куртки. Опомившись, Сун Цинсюй отчаянно задёргался.

— Хватит! — рявкнул Тан Хуай.

Сун Цинсюй замер.

Тан Хуай одним движением застегнул на нём молнию и уже мягче добавил:

— Если сейчас продолжишь упрямиться, через минуту все вылезут и будут на тебя смотреть. Не боишься опозориться?

Стоило представить эту картину, как Сун Цинсюй невольно вздрогнул. Если уж один Вэнь Лихуа увидит — шум поднимется на весь дом, а если ещё Му Ичэнь и Цинь Чжэн подключатся, там и до ядерного взрыва недалеко.

Одного сухого рвотного спазма ему уже было достаточно, переваривать ещё и такой позор он точно не собирался.

В итоге его почти силком вывели с базы и усадили на переднее пассажирское сиденье машины, стоявшей у входа.

Тан Хуай быстрым шагом обошёл автомобиль, сел за руль, сначала пристегнул Сун Цинсюя, потом, подумав, заблокировал пассажирскую дверь, и только после этого пристегнулся сам и выехал к больнице.

Сун Цинсюй всё ещё не мог оправиться от накатившей волны. Несколько раз его беззвучно передёрнуло.

Краем глаза Тан Хуай видел его бледное лицо.

— Если хочется — тошни. Хоть прямо в машине, ничего страшного.

— Не получается, — без сил отозвался Сун Цинсюй.

Он несколько раз сменил позу, но ни в одной не стало легче. Раздражённо пнул ногой и пожаловался:

— Что это у тебя за дурацкая машина? Вообще неудобная.

Тан Хуай промолчал.

Как раз загорелся красный. До зелёного оставалась почти минута. Он тут же наклонился к Сун Цинсюю, перехватываясь рукой через его корпус, и нащупал сбоку кнопку регулировки кресла.

От внезапно сократившегося расстояния Сун Цинсюй вздрогнул. Он силой подавил очередной позыв к рвоте и уставился на лицо Тан Хуая вблизи.

И вдруг понял, что это лицо почти не изменилось.

Нет — стало ещё жёстче, ещё красивее.

Кресло постепенно отъезжало назад, пока Сун Цинсюй почти не оказался в положении лёжа, но сердце у него от этого забилося только выше и тревожнее.

Щёки горели жаром, дыхание было коротким и частым, глаза влажно блестели в полумраке салона. Он вцепился в край одежды Тан Хуая, губы дрогнули, словно он хотел что-то сказать.

Тан Хуай быстро моргнул несколько раз. На его лице мелькнули смущение и тревога.

— Хочешь пить? Или есть? Тебя укачало? Окно открыть нельзя — у тебя температура. Я поеду аккуратнее. Потерпи немного, до больницы недалеко.

Он коснулся ладонью лба Сун Цинсюя, затем чуть расстегнул молнию на его куртке и тыльной стороной руки проверил шею.

И там, и там было слишком горячо. Температура явно уже перевалила за тридцать восемь.

— Потерпи ещё чуть-чуть. Можешь подремать, скоро приедем. Врач посмотрит — станет легче, не будет так плохо.

Сун Цинсюй покачал головой. Он был полностью накрыт тенью Тан Хуая, и в этом полумраке особенно ярко выделялись только его глаза.

Если не считать сегодняшнего дня, оба их «первых раза после разлуки» выглядели вот так, и любопытство всё-таки победило.

— Тан Хуай... почему ты... опять понял, что я заболел?

У Тан Хуая дёрнулся кадык.

Он как раз думал, как бы ответить, когда Сун Цинсюй вдруг ослабил пальцы, отпустил его одежду, откинулся назад и закрыл глаза.

На самом деле он не спал.

Просто внезапно испугался услышать ответ.

В машине сразу стало тихо. Сун Цинсюй боялся выдать себя, поэтому медленно повернул голову в сторону, закрывая лицо и подставляя свету красивую линию шеи.

Он отчётливо чувствовал, что взгляд Тан Хуая всё это время остаётся на нём. И с каждым мгновением этого взгляда его тело незаметно напрягалось всё сильнее.

А потом он услышал, как Тан Хуай тихо вздохнул и сказал:

— Как ты думаешь, с чего ещё?

<http://bllate.org/book/18105/1736338>